

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ С.П.КРАШЕНИННИКОВА

Опубликовано: С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. / Отв.ред. член-корр. АН СССР А.П. Окладников. – М.-Л.: «Наука», 1966. – С.8-37.

Степану Петровичу Крашенинникову, его жизненному пути и путешествию на Камчатку, его взглядам и работам посвящен ряд исследований в нашей литературе.

В данной статье автор не ставит своей задачей дать исчерпывающий анализ всех вопросов, связанных с биографией и научной деятельностью этого русского ученого XVIII в., сподвижника великого Ломоносова.

Задача статьи, как вводной к публикации впервые печатающихся работ Крашенинникова, более скромная: осветить вопросы биографии и научной деятельности Крашенинникова,

связанные именно с данными работами.

В центре статьи путешествие Крашенинникова по Сибири в 1733—1737 гг. Введение к ней — рассказ о юности Крашенинникова и его научной подготовке перед путешествием в Сибирь. Завершает статью раздел: «Речь о пользе наук и художеств», содержание которой раскрывает нам творческое лицо Крашенинникова, зрелого ученого.

I

8 августа 1733 г. студент Академии наук Степан Крашенинников в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции отправился из Петербурга в Сибирь в путешествие, принесшее ему мировую славу.

Что известно нам о жизни Крашенинникова до его поездки? К сожалению, в настоящее время мы не располагаем еще точными данными ни о рождении Степана Петровича Крашенинникова, ни о его жизни, предшествующей экспедиции в Сибирь.

Первый биограф Крашенинникова, известный историк Г.-Ф. Миллер, которому пришлось завершать печатание труда Крашенинникова «Описание земли Камчатки» после смерти автора, так писал в предисловии к этому труду: «Степан Крашенинников, уроженец города Москвы, положив там в Заиконоспасском училищном монастыре в латинском языке, в красноречии и в философии доброе основание, превосходил товарищей своим понятием, ревностью и прилежанием в науках, впрочем, и в поступках был человек честного обхождения... Конец житию его последовал в 1755 году февраля 12 дня, как последний лист сего описания был отпечатан. Он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия. Жития его, как объявляют, было 42 года 3 месяца и 25 дней»¹.

Эти скудные данные Миллера о месте рождения Крашенинникова, первоначальном образовании, дате смерти и продолжительности жизни воспроизводились во всех биографических очерках о Крашенинникове в XVIII—XIX вв.² Вычитая 42 года (без учета

¹ С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. I.СПб., 1755, Предисловие (без указания страниц); в издании 1949 г. — стр. 91 и 93.

² Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных

месяцев и дней) из 1755, получали год рождения Крашенинникова — 1713.

Единственным новым фактом, который прибавили историки XIX в. к данным Миллера, было сведение о том, что Крашенинников был солдатским сыном. Впервые об этом сообщил митр. Евгений Болховитинов, не приведя никаких ссылок на источники, которыми он пользовался³. Тем не менее, это свидетельство Евг. Болховитинов является точным. Как установил В.И. Греков, Крашенинников родился в семье солдата лейб-гвардии Преображенского полка. Происхождение С.П. Крашенинникова указано в «Реестре», приложенном к донесению «Правительствующему Сенату из Коллегии экономии Синодального правления» от 12 октября 1732 г.⁴

Дальнейшие уточнения в биографию С.П. Крашенинникова были внесены в начале XX в. Б.Л. Модзалевским и в наше время А.И. Андреевым. Б.Л. Модзалевский на основании документальных данных (рапорт лекаря Иберкампа) установил, что Г.Ф. Миллером была допущена ошибка в дате смерти Крашенинникова. Смерть ученого произошла не 12 февраля, а 25 февраля 1755 г.⁵

Наконец, А.И. Андреев, пересмотрев заново все скудные материалы о жизни ученого, предложил новую дату рождения Крашенинникова.

А.И. Андреев обратил внимание на то, что, устанавливая дату рождения Крашенинникова, вычитали из 1755 (год смерти ученого) только полные годы жизни ученого (42), без учета месяцев и дней. Если же провести правильное вычисление (не только годов, но и месяцев с днями) и учесть также, что смерть произошла не 12, а 25 февраля 1755 г., то придется сделать вывод, что дата рождения Крашенинникова падает на 31 октября 1712 г.

Однако и эта дата, по мнению А.И. Андреева, не может быть принята. Дело в том, что в автобиографии, написанной С.П. Крашенинниковым, в начале 1754 г., т.е. за год до смерти, указано: «...от роду мне сорок третьей год»⁶. Следовательно, Г.-Ф. Миллер ошибался не только в точной дате смерти, но и в подсчете количества лет, прожитых Крашенинниковым. Крашенинников умер, когда ему было не 42 года, как указывал Миллер, а 43 года. Отсюда А. И. Андреев сделал вывод, что, «не имея возможности проверить, насколько точно указание Миллера, что сверх 42 лет (правильнее, значит, 43) Крашенинников прожил 3 месяца 25 дней», можно полагать, что Степан Петрович Крашенинников родился 31 октября 1711 г.⁷

1711 год, как год рождения С. П. Крашенинникова, предложенный А. И. Андреевым, и фигурирует сейчас в большинстве работ, в той или иной степени затрагивающих биографию ученого⁸.

Принимая, что 1711 год — год рождения Крашенинникова, приходится признать все

известий и словесных преданий. Собрал Николай Новиков. СПб., 1772, стр. 95 — 97 (по изданию П. О. Ефремова 1867 г. — стр. 50 — 54). Этот труд Н.И.Новикова недавно был переиздан: Н. И. Новиков. Избранные сочинения. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Г.П. Макогоненко, М.—Л., 1951, стр. 311 — 312 (биография Крашенинникова); Митр. Евгений. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. От А до К. М., 1845, стр. 314 — 316; Русский биографический словарь. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 420 — 422 (статья о Крашенинникове подписана инициалами Н.Ч.; видимо, автором ее был проф. Н.Д. Чечулин, постоянно сотрудничавший в этом издании и подписывавший этими инициалами свои статьи).

³ Митр. Евгений. Словарь русских светских писателей, т. 1, стр. 314.

⁴ В.И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 362—363.

⁵ Список членов... Академии наук 1725—1907 гг. Составил Б.Л.Модзалевский. СПб., 1908, стр. 20.

⁶ С.П.Крашенинников. Описание земли Камчатки. М. — Л., 1949, стр. 545.

⁷ А.И. Андреев. Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова. «Советский Север», № 2, 1939, стр. 6.

⁸ См.: БСЭ, изд. 2, т. 23, стр. 296; Л.С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. Изд. 2. М.—Л., 1949, стр. 111; Д.И. Лебедев. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800). М., 1957, стр. 16; История естествознания в России, т. I, ч. I. М., 1957, стр. 424. В «Истории Академии наук СССР» (т. I (1724—1803), М., 1958, стр. 458) приводятся обе даты, без каких-либо пояснений: «Род. в Москве в 1713 (или 1711)».

же, что 31 октября 1711 г. вряд ли можно считать точной датой его рождения. Слишком грубые ошибки содержатся в биографических данных, сообщенных Г.-Ф. Миллером (ошибка в дате смерти, ошибка в количестве прожитых лет), чтобы можно было доверять его казалась бы точному подсчету (42 года, 3 месяца, 25 дней). И потом откуда отсчитывать эти 3 месяца и 25 дней—от 12 февраля 1755 г. (день смерти Крашенинникова, по Миллеру) или от 25 февраля 1755 г. (день смерти Крашенинникова, по документальным данным). А.И. Андреев отсчитывал от 25 февраля 1755 г., но ведь Миллер, указывая 3 месяца и 25 дней как прожитые Крашенинниковым сверх полных 42 (точнее 43) лет, имел в виду, что 12 февраля 1755 г. — дата смерти Крашенинникова. Исходя из данных Миллера, датой рождения Крашенинникова скорее можно признать 18 октября 1711 г., а не 31 октября. Осторожнее, однако, — учитывая грубые ошибки Миллера (а на его данных строятся расчеты), — не пытаться в настоящее время устанавливать точную дату рождения Крашенинникова, а ограничиться установлением года—1711 и месяца — октябрь.

В 1724 г. Крашенинников поступил в Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Изложением этого факта и начинается дошедшая до нас краткая биография ученого. «Я... обучался в Московской иконоспасской школе с 1724 по 1732 год, в которых последних двух годах получал по сороку алтын на месяц, а до того по тридцать алтын», — пишет Крашенинников⁹.

Славяно-греко-латинская академия явилась первым общеобразовательным высшим учебным заведением в России. Основана она была в 80-х годах XVII в.¹⁰ и сыграла несомненно важную роль в развитии просвещения в России в конце XVII и в первой половине XVIII в. В это время она была единственным высшим учебным заведением общеобразовательного типа в России.

В задачи академии входила подготовка образованных людей для государства и церкви. Средства на содержание академии отпускались главным образом государством. В программу академии входили науки как гражданские, так и духовные, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия». В академию принимались люди «всякого чина, сана и возраста»¹¹. Преобладали дети духовенства.

Уже в конце XVII в. из Славяно-греко-латинской академии вышел ряд выдающихся деятелей науки и просвещения. Так, питомцем академии был первый русский доктор философии и медицины Петр Васильевич Постников. Он обучался в академии с 1685 по 1692 г., затем ездил за границу, в Италию, где в Падуанском университете закончил образование и получил ученую степень. Воспитанником академии был и автор первого русского руководства по арифметике Леонтий Федорович Магницкий.

Преобразования Петра I в начале XVIII в. сказываются и на Академии. В связи с усилением влияния западноевропейской науки основной дисциплиной становится латинский язык — ученый язык средневековой и новой Европы. Преподавание греческого языка прекращается. Не случайно в официальных бумагах этого времени Славяно-греко-латинская академия большей частью называется «Латинскими школами» или «Славяно-латинскими школами».

Большое внимание «Славяно-латинским школам» уделял Петр I, заставлявший

⁹ С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1949, стр. 545.

¹⁰ В современной литературе сообщаются различные годы основания академии. Б.Н. Меншуткин указывает на 1684 год (Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. М.—Л., 1947, стр. 18), А. Морозов — на 1685 год (Михаил Васильевич Ломоносов. Л., 1952, стр. 121). В «Очерках истории СССР. Период феодализма. XVII век» (М., 1955, стр. 566) дается 1687 год. В БСЭ в разных статьях приводятся различные даты основания академии — 1682 (т. 16, стр. 327) и 1687 (т. 37, стр. 114 и т. 39, стр. 302). Даты 1682 и 1684 никак не могут быть приняты. Основание Славяно-греко-латинской академии связано с приездом ученых греков — братьев Лихудов, а они приехали в Москву из Константинополя 6 марта 1685 г. Автор единственной специальной монографии об академии С. Смирнов (История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855) именно с 1685 г. начинает историю академии, выделяя время с 1685 по 1700 г. как первый период в ее истории (стр. 17).

¹¹ Привилегия Московской академии. «Древняя Российская Вивлиофика», т. VI, М., 1788, стр. 401, 408—411.

служить ее целям, зачастую весьма далеким от интересов церкви. К руководству академии были поставлены такие дальновидные деятели русской церкви, как Гавриил Бужинский, Иосиф Турбойский и Феофилакт Лопатинский, безоговорочно поддерживавшие реформы Петра и выступавшие как публицисты по многим общественно-политическим вопросам того времени.

Замечательной чертой «Славяно-латинских школ» в конце XVII и первой четверти XVIII в. являлось то, что они были сравнительно легко доступными подросткам различных классов и состояний. Ведомость состава учеников академии на 1729 г., составленная в Синоде, дает такие данные: всего было 259 учеников, из коих дворянских детей только 3, детей духовенства — 95, солдатских детей — 79, детей мастеровых — 25, подьяческих детей — 21, детей посадских людей — 11, детей различных служителей — 9, детей приказных сторожей — 4, лекарских детей — 2, матросских детей — 1 и т. д. За другие годы в ведомостях отмечены дети типографских рабочих, ново-крещенных татар, даже «богаделенных нищих»¹².

Во второй четверти XVIII в. вводятся некоторые ограничения для поступления в академию. 7 июня 1728 г. последовал указ Синода, в ведении которого находилась академия, согласно которому велено было «обретающихся в московской Славено-греко-латинской академии в школах солдатских детей, обуча, отослать в полки в службу и впредь для обучения принимать таковых, о которых тех полков, в которых отцы их служат, от командиров прислано будет письменное уведомление, что они ныне и впредь в полки не надобны; а помещиковых людей и крестьянских детей, также непонятных и злонравных от помянутой школы отрешить и впредь таковых не принимать»¹³.

Указ свидетельствует о том, что в академии до 1728 г. учились не только солдатские дети, но и крестьянские, и даже дети крепостных крестьян («помещиковых людей»); последние, очевидно, из числа беглых, так как трудно себе представить, чтобы помещик отпускал добровольно своих крестьян учиться в академию. Запрещение касалось детей как помещичьих, так и государственных крестьян. Через 3 года, в 1731 г., юноше Ломоносову удалось поступить в академию, только скрыв свое крестьянское происхождение.

Указ 1728 г. больно ударил по «Славяно-латинским школам». Данные на 1729 г., приводившиеся выше, со значительным процентом солдатских детей и детей из других групп простонародья, отражают, очевидно, еще переходный период, но уже в следующем, 1730 г. ректор академии Герман Копцевич жаловался в Синод, что духовенство не отдает своих детей в академию, а из других сословий запрещено принимать по указу 1728 г. и вследствие этого «число учеников во всей академии зело ума-лилося, и учения распространение пресекается»¹⁴.

Указ 1728 г. не коснулся Крашенинникова, поступившего в академию в 1724 г. Его не отослали обратно в полк. В это время он учился уже в средних классах. В 1732 г. он был в предпоследнем классе, классе философии, пройдя за 7 лет 7 классов, что могло быть результатом только успешного и непрерывного обучения. Правда, в низших классах можно было переходить из класса в класс в зависимости от успехов через полгода и даже через треть, но зато классы пиитики, риторики и философии охватывали каждый по два года обучения.

Крашенинников не закончил курса обучения в «Славяно-латинских школах», из класса философии его направили в Академию наук.

Такие события были нередки в училище. Петр I заявил в свое время патриарху Адриану, что училище — школа царская, а не патриаршая, и из нее надо посылать учеников «во всякие потребности — в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение

¹² А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов, стр. 127. v-М. также: А.И.Рогов. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии. «История СССР», 1959, № 3.

¹³ История российской иерархии, т. I. М., 1807, стр. 429.

¹⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Синода, Т. X. СПб., 1901. д.378

и докторское врачевское искусство»¹⁵.

А «потребы» государства в грамотных людях были очень велики. Воспитанники академии становились не только священниками, но и учителями, деятелями Пекинской миссии, дипломатами и т. д. В 1715 г. Петр вытребовал в Петербург 213 учеников академии и сам определил им назначения: одних перевел в Морскую академию, других— в гвардию, многих отправил за границу для изучения наук и языков¹⁶.

Степан Петрович Крашенинников был не единственным крупным деятелем русской культуры, который получил первоначальное обучение в стенах Славяно-греко-латинской академии. Воспитанниками «Спасских школ» в XVIII в. явились великий Ломоносов, гениальный зодчий В.И. Баженов, поэт и просветитель кн. А.Д. Кантемир, профессора Московского университета А.А. Барсов, А.М. Брянцев, С.Г. Зыбелин, Н.Н. Поповский, Н.И. Попов, поэты Е.И. Костров и В.П. Петров и др.

Конечно, в «Славяно-латинских школах» только начинался жизненный путь этих замечательных деятелей русской культуры XVIII в., и не только обучение в этом учебном заведении определило их путь. Но «Славяно-латинские школы» сообщили им первые научные знания, приобщили их к русской культуре. Вот как оценивает А. Морозов роль Славяно-греко-латинской академии в жизни великого русского ученого: «Значение Московской академии для умственного развития Ломоносова заключалось не только в том, что он основательно изучил латынь, которая в то время была преддверием всех наук; не менее важно, что для него не пропал культурно-исторический опыт, накопленный к тому времени в России»¹⁷.

Такую же роль сыграла Славяно-греко-латинская академия и в жизни Степана Петровича Крашенинникова. Его первый биограф Г.-Ф. Миллер не без основания полагал, что Крашенинников именно в «Законоспасском училищном монастыре... положил... в латинском языке, в красноречии и в философии доброе основание»¹⁸.

Не закончив курса обучения в классе философии, Крашенинников был вызван в Петербург в Академию наук указом Сената «в исходе 1732 года» в связи с организацией экспедиции В. Беринга.

17 апреля 1732 г. состоялся указ об организации этой экспедиции, а 19 июня 1732 г. последовал новый указ — об участии в ней Академии наук. Академия наук должна была послать в экспедицию одного профессора и с ним двух «из российских студентов, которые б могли по Юпитеровым спутникам в разных местех долготу обсервовать и после, яко будучие в практике, сами в профессору вступить». На профессора и студентов возлагалось «также географическое порядочное описание и осмотр или примечание о плодах земных и минералах и металлах и ботаническое, ежели найдутся, учинить»¹⁹.

В ответ на это предложение Академия наук представила свои соображения и высказалась за целесообразность посылки двух профессоров; один должен был производить «обсервации, или наблюдения астрономические, физические, анатомические и что до истории натуральной, или естественной, принадлежит», а другой должен был изучать все, что касается «до уставов веры и обычаев (тамошних) людей, до языков же древностей и письмен». С предложением послать с ними двух студентов Академия наук согласилась, подчеркнув, что должны быть посланы такие, «которые естественную историю чтоб нарочито знали»²⁰.

В связи с такой договоренностью Сената и Академии наук о посылке в составе экспедиции Беринга учеников Сенат затребовал в Славяно-греко-латинской академии 12

¹⁵ А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов, стр. 126.

¹⁶ И.И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. VI. М., 1789, стр. 34.

¹⁷ А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов, стр. 140.

¹⁸ С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1949, стр. 91.

¹⁹ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII-XIX веках. Составила В.Ф. Гнучева. М.—Л., 1940, стр. 40.

²⁰ Там же, стр. 40—41.

студентов. Затребовано было больше, чем было нужно, с тем чтобы, как писал позже Миллер в своей «Истории Академии наук», «лучших направить в путешествие, а остальных употребить на другие дела»²¹.

В декабре 1732 г. «Степан Крашенинников с товарищи» прибыли из Москвы в Петербург. Месяцем позже вызванные были подвергнуты испытанию в Академии наук. Экзаменовал их акад. Байер. 10 человек подверглись испытаниям по разделам: поэзия, синтаксис и грамматика, двое (Крашенинников и Попов) экзаменовались по логике и физике. В своем рапорте акад. Байер сообщал: «Экзаменуя их в логике Аристотеля, я нашел, что они хорошо владеют ею; но в физике их понятия так стары и так спутаны и в терминах так смешны, что я сам в этом не разобрался»²².

Вызванные студенты получили дополнительные уроки, по естественной истории они проходили обучение в Кунсткамере, по географии их должен был обучать Миллер²³.

22 марта и 16 апреля 1733 г. состоялись новые именные указы, окончательно определившие состав академического отряда экспедиции Беринга. Во главе отряда были поставлены профессор астрономии Л. Делиль де ла Кроейер и профессор истории Г.-Ф. Миллер. При них состояли живописец Беркан, шрайб-мейстер Люрсениус, 5 «учеников»: Степан Крашенинников, Федор Попов, Лука Иванов, Василий Третьяков и Алексей Горланов — и академический инструментальный ученик Гаврила Кобылин.

Указом 11 июня 1733 г. к Л. Делиль де ла Кроейеру и Г.-Ф. Миллеру был присоединен профессор И. Г. Гмелин, намечавшийся и ранее в состав экспедиции, но замененный вследствие болезни Г.-Ф. Миллером²⁴.

Таким образом, в состав экспедиции были включены не 2 ученика Славяно-греко-латинской академии, как предполагалось первоначально, а 5. Одним из них и был будущий академик Степан Петрович Крашенинников.²⁵

В августе 1733 г. академический отряд экспедиции Беринга покинул Петербург.

II

Вторая Камчатская экспедиция 1733—1743 гг., также называемая Великой Северной экспедицией, относится историками и географами к числу наиболее замечательных научных предприятий во всей мировой истории географических открытий и исследований. Акад. К.-М. Бэр находил ей сравнение лишь с двумя подобными предприятиями: путешествием финикийских мореплавателей вокруг Африки в древности и географической съемкой

²¹ Материалы для истории Академии наук, т. VI. СПб., 1890, стр. 262. С. Смирнов в указанной выше работе («История московской Славяно-греко-латинской академии, стр. 232—233) утверждает, что вызов 12 студентов в Петербург был связан с предполагавшейся организацией миссионерской экспедиции на Камчатку во главе с архимандритом Варфоломеем Филевским. Возможно, что «другие дела», на которые предполагалось послать часть вызванных учеников и о которых пишет Миллер, и были именно дела Камчатской миссии. Для посылки в экспедицию Беринга не нужно было вызывать 12 человек. Посылка миссии на Камчатку, однако, не состоялась.

²² Материалы для истории Академии наук, т. II. СПб., 1886, стр. 86.

²³ Там же, т. VI, стр. 262; Н.В. Голицын. Портфели Миллера. М., 1899, стр. 131; А.И. Андреев. 1) Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова, стр. 8, прим. 2; 2) Экспедиция В. Беринга. «Известия Всесоюзного географического общества», 1943, вып. 2, стр. 14.

²⁴ Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. М.—Л., 1940, стр. 42—43; Материалы для истории Академии наук, т. II, стр. 326; П. Пекарский. История Академии наук, т. I. СПб., 1870, стр. 434. Указом 26 апреля 1733 г. в состав экспедиции был зачислен переводчиком студент гимназии при Академии наук Илья Яхонтов; он был зачислен вместо погибшего Леонтьева (ААН, ф. 21, оп. 5, № 144, л. 17 об.).

²⁵ Все 5 учеников, отправленных в экспедицию, были из старших классов (философии и риторики). Какова была судьба остальных 7 учеников? Один из них — А. Леонтьев (о нем дал очень благоприятный отзыв экзаменовавший его акад. Байер) — погиб вследствие несчастного случая в январе 1733 г. О судьбе остальных 6 учеников из младших классов впоследствии писал М.В. Ломоносов: «Оставшаяся в Санктпетербурге половина, быв несколько времени без призрения и учения, распределены в подьячие и к ремесленным делам» (П.С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 052).

Китайской империи при императоре Кан-си в начале XVIII в²⁶. М. И. Белов, приводя это сравнение, считает его, однако, не вполне удачным, так как деятельность Великой Северной экспедиции распространялась на территорию, значительно большую, чем территория Китая²⁷.

Работа участников Великой Северной экспедиций слагалась из деятельности трех экспедиций самостоятельных по заданиям и действовавших на различной территории. В первой участвовали 4 отряда. Эти отряды работали над составлением карт и описанием Северного морского пути и побережья от Белого моря до Камчатки. В этой работе приняли участие лейтенанты Д. Я. Лаптев, Х. П. Лаптев, П. Лассиниус, С. Г. Малыгин, Д. Л. Овцын, В. Прончищев и др. Все они находились под начальством Беринга и первоначальные задания получали именно от него. Впоследствии отдаленность районов экспедиции затруднила связь с Берингом и участники этих отрядов действовали совершенно самостоятельно.

Вторая экспедиция, в которую входили два отряда, действовала в водах Тихого океана и на тихоокеанском побережье. Главный отряд под командованием Беринга направлялся к берегам Америки, другой отряд под командованием Шпанберга должен был идти к Японии. И, наконец, третью экспедицию составил отряд Академии наук под руководством профессоров И.-Г. Гмелина, Л. Делиль де ла Кройера и Г.-Ф. Миллера. Перед этим отрядом стояла задача исследовать и описать малоизученные территории Сибири и Камчатки. Этот отряд еще менее был связан с Берингом, нежели участники первой экспедиции, и не случайно уже во время работы экспедиции 13 сентября 1737 г. был издан указ Сената «О небытии профессоров Гмелина, Делаacroера и Миллера в экспедиции Беринга». Этот указ лишь закрепил то, что существовало и до указа. Участники академического отряда Получили от Академии наук инструкции, определившие их задачи и обязанности. Имелась общая инструкция, носившая название «Должность генеральная»; существовали «Инструкция о должности профессоров, отправляющихся с учениками» и «Инструкция ученикам», и, наконец, были частные инструкции: «Инструкция о истории натуральной», предназначавшейся для Гмелина, инструкция «Для истории народов», которой должен был руководствоваться Миллер, и инструкция «Об наблюдениях астрономических, географических и физических», определявшая деятельность Л. Делиль де ла Кройера²⁸.

Одной из целей прикомандирования студентов к профессорам была подготовка их к научной деятельности в Академии наук. В сенатском указе от 19 июня 1732 г. было указано, что студенты, вернувшись из экспедиции, должны, «Яко будучие в практике, сами в профессора вступить». Эта задача уточнялась в инструкции «Должность генеральная» и в «Инструкции о должности профессоров». Пункт 4 первой инструкции гласил: «Учеников и геодезистов, профессорам в науку врученных, должен всяк из них прилежно и верно наставлять и их [в] науки, сколько возможно, производить». Пункт 5 подчеркивал необходимость добрых, товарищеских отношений между всеми участниками экспедиции: «Наипаче согласие и дружество должны все между собой иметь и по оному один другому всяким возможным способом как в советах, так и в делах помогать»²⁹.

Инструкция «Должность профессорам, отправляющимся в путь со учениками», целиком была посвящена обязанностям и правам профессоров в отношении учеников. Она развивала в деталях ту мысль, которая была изложена еще донесении Академии наук в Сенат: «Все сии люди, которые каждому профессору подчинены будут, чтоб зависели от приказов профессорских».³⁰ В 17 пунктах инструкции детально регламентировалось все поведение учеников на работе и вне работы. Профессора должны были обучать их, наблюдать за их поведением, здоровьем, отдыхом и т.д. Ученики под руководством

²⁶ К.-М. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических знаний. «Записки Русского географического общества», кн. III, СПб., 1849, стр. 42.

²⁷ М.И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956, стр. 264.

²⁸ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, стр. 44—46.

²⁹ Там же, стр. 44.

³⁰ Там же, стр. 41.

профессоров должны были совершенствоваться в латинском языке, читать «Тацита, Плиния, Цицерона, Вергилия, Овидия, Юлия Кесаря и прочих, по своему рассмотрению», разбирая «то, что ведению математическому, историческому, политическому и натуральной истории приличествует» (пункт 1). Если исходить из этого пункта, становится понятно, почему Крашенинников взял с собой в экспедицию несколько книг античных авторов; в их числе были «Курций Руф, издания Френсгеймиева в Страсбурге, 1640..., Геродот, в Франкфурте, 1620..., Светоний с Гроновиевыми примечаниями в Лейдене, 1695»³¹. Пункт 7 обязывал профессоров «обучать на всякий день» учеников, «не утаивая наук», и «историю натуральную, политическую и прочая небесная и земная показывать без отлагательства, помня совет и клятву, за что содержание себе от монарха имеем». Пункт 8 предостерегал от злоупотреблений по отношению к ученикам: «Учеников не употреблять вместо работ и прихотей никаких над ними не исполнять, соблазнов никаких не являть и скверными словами не поносить».

Пункты 9 и следующие обязывали профессоров наблюдать, чтобы ученики «время свое не тратили, не бранились с собою, не ссорились, не упивались», смотреть в пути, чтобы «сохранены были в здравии, достаточны в пище, одежде, обуви». Инструкция предусматривала все, вплоть до обязанностей профессоров организовать похороны в случае смерти кого-либо из учеников³².

Такая мелочная регламентация несомненно связывала инициативу учеников. Ученики были в полной зависимости от своих профессоров — начальников экспедиции, были у них «под батожем», как позже, спустя более чем 15 лет, образно выразился Миллер. Эта характерная обмолвка Миллера, проливающая яркий свет на взаимоотношения профессоров и учеников в ходе экспедиции, произошла в 1750 г., когда Ломоносов и Крашенинников (тогда уже профессор) дружно выступили с критикой норманистской работы Миллера «О начале российского народа».

8 августа 1733 г. академический отряд Второй Камчатской экспедиции оставил Петербург. В конце января 1734 г. отряд достиг Тобольска, где разделился надвое. Делиль де ла Кройер со студентами Поповым и Ивановым присоединился к Чирикову, помощнику В. Беринга. Эта группа выехала из Тобольска в Енисейск 20 мая 1734 г. Неделями позже, 26 мая, Миллер и Гмелин вместе с живописцем Берканом, художником Люрсениусом и студентами Крашенинниковым, Третьяковым, Горлановым и Яхонтовым выехали на юг, взяв направление на Колыванский завод.

В работе Крашенинникова в составе Второй Камчатской экспедиции можно установить три этапа, различных и по территории, и по характеру деятельности. Первый этап охватывает время с 8 августа 1733 г. (отъезд из Петербурга) до 5 июля 1737 г. (отъезд из Якутска на Камчатку). В этот период Крашенинников работает под руководством Миллера и Гмелина и пишет свои первые научные работы, главным образом по заданию Гмелина. Второй этап охватывает время с 5 июля 1737 г. по 12 июня 1741 г. Это — время самостоятельной работы Крашенинникова на Камчатке, включая и путь из Якутска на Камчатку. 12 июня 1741 г. Крашенинников покидает Камчатку. 25 июня 1741 г. он приезжает в Охотск. Этой датой открывается третий этап его путешествия, краткий по времени и завершающийся возвращением в Верхотурье (ворота в Сибирь) 10 октября 1742 г.

В этой статье мы касаемся только первого этапа путешествия Крашенинникова, поскольку работы Крашенинникова этого времени публикуются в данном издании.

На первом этапе своего путешествия Крашенинников работал главным образом по поручению Гмелина. Между профессором и студентом установились добрые, хорошие отношения, которые несомненно сыграли значительную роль в научном росте Крашенинникова. Иначе сложились отношения Крашенинникова с Миллером.

Материалы экспедиции не раскрывают личных отношений между талантливым

³¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 2331, л. 32 об.

³² Там же, лл. 25—26.

студентом и его профессором. Лишь много лет спустя вскрылось, что далеко не все было гладко в этих отношениях. М. В. Ломоносов в «Истории академической канцелярии», — работе, написанной горячо и страстно в защиту русской науки, — раскрыл теневые стороны работы Второй Камчатской экспедиции. Ломоносов с горечью вспоминает: «... взяты были из московских заиконоспасских школ двенадцать человек школьников в Академию наук, между коими находился бывший после профессор натуральной истории Крашенинников. ... оных половина взяты с профессорами в Камчатскую экспедицию, из коих один удался Крашенинников, а прочие от худова присмотру все испортились»³³. Ломоносов особо отмечает работу Крашенинникова под руководством Миллера и Гмелина. Ломоносов упоминал, в частности, о рассказах «покойного Крашенинникова, который о Гмелинове добром сердце и склонности к российским студентам Ломоносову сказывал, что де он давал им в Сибири лекции, таясь от Миллера, которой в том ему запрещал»³⁴.

Материалы, напечатанные в данном сборнике, дают возможность детально проследить участие Крашенинникова в работе академического отряда в Сибири. Первой самостоятельной работой, какую выполнил Крашенинников, было описание пути от Кузнецка вниз по Томи до Томска. Путь этот был проделан им вместе с другими участниками экспедиции в 1734 г., с 27 сентября по 2 октября. Первая работа Крашенинникова составляет определенное звено в той большой коллективной работе, какую вели все участники экспедиции: и Миллер, и Гмелин, и студенты Горланов, Крашенинников, Третьяков и Яхонтов, и геодезист Иванов — по географическому описанию тех районов Сибири, через которые проезжал академический отряд. В результате такой коллективной работы создан «громадный фонд географических описаний отдельных мест Западной и Восточной Сибири»³⁵.

Написаны все эти географические работы в одном плане. Последовательно указываются населенные пункты, через которые проезжали участники экспедиции, отмечается расстояние между этими пунктами, сообщаются сведения о каких-либо особо интересных местностях, отмечается этническая принадлежность населения, и т. д. Все эти описания представляют большой интерес для географии населения Сибири в XVIII в.

Такова и первая работа Крашенинникова. Отметим, что уже в ней проявились большая наблюдательность молодого исследователя и интерес не только к географии, но и к этнографии. Крашенинников отмечает «керецкие юрты», поселения «телеуцких татар» и «чадских татар», дает характеристику раскольничьего селения, отмечает в пути «писаной камень, на котором разных зверей и людей образы вырезаны».

В это же время Крашенинников начинает вести свой «Дорожный журнал». Начат он был в сентябре 1734 г. и велся непрерывно до 12 марта 1736 г. Позже ему было дано название: «Дневник путешествия в 1734—1736 годах». «Дорожный журнал» начат был Крашенинниковым несомненно по собственному почину, а не по заданию Гмелина или Миллера. На это указывает характер некоторых записей в журнале. Так, под 23 сентября 1735 г. Крашенинников записал: «Приплыли из Иркутска два судна, из которых одно велено дать господам профессорам для переезду через Байкал озеро. Хотя мы, еще будучи в Читинске, слышали, что господин профессор ла Кроер женился, однакож мы тому еще мало верили, а ныне от приехавших на помянутых судах людей достовернее известилися, что он женился и взял за себя иркуцкого сына боярского Медведева племянницу». Вряд ли в

³³ П.С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 052.

³⁴ Там же, стр. 060—061.

³⁵ А.И. Андреев. Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова, стр. 10. Все эти географические описания хранятся в Архиве Академии наук СССР и составляют несколько томов под общим названием «Itinerum Descriptiones per Sibiriae» (обозрение содержания этих томов, а также некоторых других географических работ, принадлежащих сотрудникам экспедиции, но не вошедших в это собрание, дано в работе: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, стр. 63—65), а также в «портфелях Миллера» в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (обозрение их дано в издании: Г.-Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 543—569, Обзор рукописей Г.-Ф. Миллера).

журнале, имевшем характер официального отчета, Крашенинников стал бы писать о женитьбе профессора своей экспедиции.

В «Дорожном журнале» Крашенинников, не связанный рамками официального отчета, записывал все, что было примечательного в пути, что привлекало его внимание. Одни записи кратки и передают лишь сухие факты, но есть и подробные записи, сообщающие много интересного о быте русского населения, а также многих коренных народностей Сибири, с которыми пришлось столкнуться Крашенинникову. Путешественник рассказывает о быте и материальной культуре телеутов и «тюлиберских татар», дает описание их юрт, сообщает об их верованиях и брачных обрядах, говорит о занятиях и быте качинских татар, бурят, забайкальских тунгусов и т. д. Здесь же рассказывается о свадьбе и старинных русских обрядах в Томске и Красноярске, о старинных русских одеждах, русско-китайской торговле в Кяхте и т. д. Многие записи Крашенинникова бесспорно и сейчас представляют значительный интерес и должны быть использованы современными исследователями. В. И. Греков правильно отметил, ознакомившись с некоторыми выдержками из «Дорожного журнала», помещенными в моей статье 1949 г., что «его (Крашенинникова, — Н.С.) склонность к точным натуралистическим и этнографическим описаниям, которая так ярко отразилась в книге „Описание Земли Камчатки“, определилась уже в то время»³⁶. «Дорожный журнал» Крашенинникова представляет собой связный рассказ о путешествии экспедиции по маршруту: Кузнецк, Томск, Енисейск, Красноярск, Канск, Удинск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Аргунск, Чита, Баргузин, Верхолениск. По своему характеру он должен быть поставлен в один ряд с известным трудом Гмелина «Reise durch Sibirien», хотя он, конечно, и меньше его во много раз.

В Западной Сибири Крашенинников во всем помогал Гмелину и Миллеру. В Восточной Сибири, очевидно, учитывая уже накопленный опыт в полевой работе, Миллер и Гмелин отправляют его в самостоятельные поездки во главе небольших отрядов.

20 июля 1735 г. Крашенинников был отправлен с Аргунских серебряных заводов в первую самостоятельную экспедицию для обследования целебных источников («теплые воды») на р. Онон. В отряд Крашенинникова входили геодезист А. Иванов, проводник, тунгусский толмач, солдат, стрелок, рудокоп. Помимо обследования «теплых вод», перед Крашенинниковым были поставлены задачи: в начале пути разведать на р. Борзе соляные озера, в пути «все, что до натуральной истории принадлежит, а именно: зверей, птиц, рыб, травы, дерева, леса, горы, особливые роды земли и камней и всякие минералы и рудные признаки и прочее — записывать и описать», на р. Ононе по расспросам местных тунгусов составить такие же списки.

Маршрут отряда Крашенинникова пролегал совершенно особо по сравнению с маршрутом всей экспедиции во главе с Миллером и Гмелином. Крашенинников выступает здесь впервые как самостоятельный исследователь, и не случайно «Описание дороги студента Крашенинникова», дающее перечень всех географических пунктов, через которые он проехал в Сибири и на Камчатке, и расстояний между ними, открывается маршрутом, озаглавленным: «1735. От Аргунских серебряных заводов до имеющихся вверх по реке Онону теплых вод и оттуду до Читинского острога». Этот путь пролегал по территории нынешней Читинской области РСФСР и Агинского национального округа Бурятской АССР и был равен, по подсчетам самого Крашенинникова, 997 ½ верстам. Путь был проделан за 16 дней (с 20 июля по 5 августа), включая сюда и день, проведенный на р. Онон у «теплых вод». Ехали на лошадях, через р. Онон переправлялись на плотах.

В итоге поездки Крашенинниковым были представлены «рапорт» и «Описание пути от Аргунских серебряных заводов до имеющихся вверх по Онону реке теплых вод и оттуду до Читинского острогу».

³⁶ В.И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., стр. 142. Выдержки из «Дорожного журнала» были опубликованы в моей статье: Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки». В кн.: С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 27—28.

«Описание пути» рассказывает о пройденном пути, а «рапорт» сообщает о проделанной работе. В «рапорте» дано описание «теплых вод», рассказано о лечении водами местного населения, приводятся некоторые сведения о жизни олонских бурят. Представлено было также «Описание теплых вод» на латинском языке³⁷.

Экспедиционная работа Крашенинникова была высоко оценена Гмелином, «описание теплых вод» было признано «обстоятельным» («ausführlich»)³⁸.

Путь от Читы до Иркутска Крашенинников проделал вместе со всей экспедицией. В Иркутске 20 января 1736 г. Крашенинников получил самостоятельное большое задание. Гмелину стало известно, что в районе Баргузина имеются также целебные источники («теплые воды»). Крашенинникову, уже зарекомендовавшему себя исследованием «теплых вод» р. Онона, предложено было вернуться назад, в Забайкалье, и обследовать там источники. К этому поручению Гмелина Миллер присоединил задание изучить архив Баргузинского острога³⁹.

Вторая самостоятельная экспедиция Крашенинникова продолжалась более 4 месяцев, с 21 января по 25 мая 1736 г. Протяженность маршрута, по расчетам самого Крашенинникова, равнялась 1104 верстам. Путь был проделан от Иркутска через Голоусное зимовье, Посольский монастырь, Кабанский острог, Ильинский острог, Итанцинский острог на р. Турку, р. Горячую в Листвничное зимовье и Баргузинский острог. Путь пролегал по южному и восточному побережьям Байкала. В Баргузинский острог Крашенинников прибыл 8 февраля и пробыл здесь до 17 февраля, когда выехал на устье Баргузина и Горячую речку для изучения источников. 19 февраля он выехал в обратный путь, который совершил через Байкал, о. Оль-хон, западное побережье Байкала, Манзурскую слободу, Верхоленский острог. В Верхоленске Крашенинников пробыл с 1 марта по 19 мая, когда выехал в Усть-Илгу, где в это время находились основные силы академического отряда. И в этой поездке Крашенинников стоял во главе небольшого отряда, в него входил тот же геодезист А. Иванов, служилый человек Е. Ловцов и толмач «братского языка» С. Зензинов. Итоги экспедиционной работы были оформлены Крашенинниковым в ряде статей. Большая часть проделанного пути отражена в «Описании пути от Итанцинского острогу до Баргузина а от Баргузина до теплых вод, а оттуду через Байкал море и Косою степью прямою дорогою до Верхоленского острогу». «Рапорт» дает подробный отчет о проделанной работе. В районе Баргузина Крашенинников расспрашивал местных тунгусов «о их вере, житии, богатстве, разделении родов и количестве», и написал «Реэстр, сколько под Баргузинским острогом и Баргу-зинского ведомства острожками яшашных тунгусов имеется и на сколько родов разделены». Здесь же был им написан «Вокабуляриум тунгуского языка».⁴⁰ От Иркутска до Итанцинского острога Крашенинников изучал свойства вод и сочинил «описание».⁴¹ В Итанцинском остроге он описал «острог и приписные к нему деревни»⁴². «Теплые воды» впадающих в Баргузин двух речек были описаны Крашенинниковым на латинском языке⁴³. В районе Баргузина был составлен «Реэстр имеющимся около тех мест деревьям, зверям, рыбам и птицам»⁴⁴. «Теплые воды» речки Горячей также были изучены, и было составлено «описание» на латинском языке⁴⁵. Наконец, в районе Верхоленского острога Крашенинников изучал жизнь бурят и их язык. Итогом этого изучения явились «Описание братских мужиков Иркутского ведомства» и «вокабуляриум» их языка⁴⁶. Здесь же он написал

³⁷ ААН СССР, ф. 21, оп. 5, № 131, лл. 13—14.

³⁸ J.-G. Gmelin. Reise durch Sibirien, Theil II. Göttingen, 1752, S. 123.

³⁹ Там же, стр. 174—175.

⁴⁰ Не сохранился.

⁴¹ Не сохранилось.

⁴² Не сохранилось.

⁴³ ААН, ф. 21, оп. 5, № 131, лл. 25—26.

⁴⁴ Не сохранился.

⁴⁵ Не сохранилось.

⁴⁶ Не сохранился.

«реэстр» деревням Верхоленского острога⁴⁷.

Из Верхоленска 19 мая Крашенинников поплыл вниз по Лене, в пути он занимался описанием течения Лены «по морским компасам»⁴⁸. Приехав в Тутурскую слободу, Крашенинников составил «Реэстр присудным деревням»⁴⁹. Это была его последняя работа в этой экспедиции.

В работе Байкальской экспедиции, — так можно назвать эту научную командировку Крашенинникова, протекавшую на территории Предбайкалья и Забайкалья, — таланты молодого исследователя проявились уже полностью. Он всесторонне изучает богатый край, проводит географические описания, делает метеорологические наблюдения, исследует свойства целебных источников и одновременно знакомится с документами XVII в., изучает быт и культуру бурят и тунгусов, записывает словники их языков. 27 мая 1736 г.

Крашенинников в составе всей экспедиции отправился вниз по Лене. 21 июля он был отправлен на р. Ичору для исследования соляных источников: Крашенинникову было поручено, как писал позже Гмелин, «описать самым точным образом Ичору» и «сделать необходимые наблюдения»⁵⁰. Каких-либо материалов Крашенинникова от этой поездки не сохранилось. 1 августа Крашенинников был отправлен из Витимской слободы вверх по течению Витима. Поездка продолжалась с 1 по 6 августа. По Витиму Крашенинников поднялся вверх на 170 км и на речке Колотовка обследовал месторождение слюды⁵¹.

19 августа состоялась новая Поездка Крашенинникова на р. Кептендей, правый приток Вилюя, для исследования «соляных ключей» и «соляной горы». Поездка продолжалась с 19 августа по 1 сентября, маршрут составил 669 верст. Итоги своей работы Крашенинников изложил в рапорте, а описание дороги дал в «Описании пути от Олекминского острогу до имеющих у речки Кептендея соляных ключей и до соляной горы и оттуда возвратно до Олекминского острога».

На Витиме и Олекме Крашенинников продолжал собирать материал о соболином промысле. Этим он начал заниматься еще в Забайкалье и Предбайкалье. Им были собраны «известия» у баргузинских, теленбинских, киренских, чечуйских, олекминских и витимских промышленников. Обработка материалов для статьи «О соболином промысле» была завершена уже после отъезда Крашенинникова на Камчатку Яхонтовым, о чем Крашенинников позже в «Описании земли Камчатки» писал: «Известия собраны по большей части моими трудами, а окончаны покойным переводчиком Яхонтовым под смотрением господина доктора Гмелина после отъезда моего на Камчатку»⁵².

Работа «О соболином промысле» дает обстоятельный рассказ о всех вопросах, связанных с промыслом. Автор рассказывает о жизни и повадках соболя, об организации промысла, его технике, суевериях, связанных с промыслом. В работе дан материал о соболином промысле не только у русских, но и у якутов и тунгусов.

Зимой 1736/37 гг. в Якутске собрался весь состав академического отряда Второй Камчатской экспедиции, здесь же был и сам начальник Камчатской экспедиции Беринг. Миллеру и Гмелину предстояло отправиться на Камчатку. Однако между профессорами и Берингом начались несогласия. Сыграли свою роль и трудности пути, и трудности снабжения на Камчатке. Миллер и Гмелин отказались ехать на Камчатку и выехали на Лену, а вместо себя послали Крашенинникова.

Выбор Крашенинникова для посылки его на Камчатку не был, конечно, случайным. Позже Гмелин вспоминал, что этот выбор был произведен «единодушно», он был

⁴⁷ Не сохранился.

⁴⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 128—176. Работа Крашенинникова вошла в коллективный труд «Описание реки Лены от Верхоленска до Якутска, по румбам и с подлинными расстояниями». В работе принимали участие, кроме Крашенинникова, Яхонтов, Иванов и др.

⁴⁹ Не сохранился.

⁵⁰ J.-G. Gmelin. Reise durch Sibirien, Theil II, SS. 291, 294.

⁵¹ Там же, стр. 310, 326.

⁵² С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1949, стр. 256.

обусловлен тем, что Крашениников отличался от всех своих студентов-собратьев («von seinen Mitbrudern») прилежанием и усердием и был хорошо им известен благодаря многочисленным испытаниям» («durch viele Proben»)⁵³. Правильность такого выбора была доказана всей последующей работой Крашениникова на Камчатке.

5 июля 1737 г. Крашениников отправился из Якутска в Охотск, откуда он должен был отплыть на Камчатку. Свой маршрут он осветил в «Описании пути от города Якуцка до Охотского острогу»⁵⁴. Описание дороги от Якутска до Охотска, данное Крашениниковым, представляет большой интерес, как единственное в своем роде, дающее исчерпывающее представление об этом важном тракте⁵⁵.

Путь, который был равен 578 верстам, был проделан за 47 дней, с 5 июля по 20 августа. Дорога была трудной. Только участок ее от Якутска до Вельской переправы через Алдан был сравнительно легок, дальше же она становилась «столь беспокойна, что труднее проежжей дороги представить нельзя», как признавался Крашениников. Дорога шла или по берегам рек, или по лесистым горам. «Берега обломками камней или круглым серовиком так усыпаны, что тамошним лошадям надивиться нельзя, как они с камня на камень лепятся. Впрочем, ни одна с целыми копытами не приходит до места. Горы чем выше, тем грязнее; на самых верхах ужасные болота и зыбуны, в которые ежели вьюшная лошадь прилепится, то свободить ее нет никакой надежды. С превеликим страхом смотреть должно, коим образом земля впереди сажен за 10 валами колеблется». В пути также встречались наледи (тарыны)⁵⁶. Одна из них — Капитан-тарын — тянулась в длину на 3 версты и в ширину на версту.

В Охотске Крашениников встретился с Чириковым и Шпанбергом, помощниками Беринга, а позже и с самим Берингом, который оказал ему всяческое содействие в снаряжении на Камчатку. До самого отъезда на Камчатку 4 октября 1737 г. Крашениников продолжал вести научную работу. Он производил метеорологические наблюдения, вел наблюдения над приливом и отливом моря, сочинил «Реэстр зверям, птицам, рыбам, морским зверям и выбрасывающимся из моря вещам»⁵⁷, составил «Описание морских уток» и «Описание трех рыб»⁵⁸, а также записал от «толмача ламуцкаго» «слова оного языка» и составил «Перечень пеших тунгусов, или ламуток, живущих около Охотского острогу». Крашениников отослал все свои работы Миллеру и Гмелину вместе с подробными рапортами (в пути и в Охотске он написал 5 рапортов).

4 октября 1737 г. Крашениников отплыл из Охотска на судне «Фортуна», начав путешествие, доставившее ему всемирную известность.

Путешествие Крашениникова по Сибири — важный этап на научном пути выдающегося русского ученого. Вместе с тем это интересная страница в изучении Сибири в XVIII в.

Говоря об изучении Сибири в первой половине XVIII в., современные исследователи, как правило, называют три имени: Д.-Г. Мессершмидта, положившего начало исследования Сибири экспедицией 1720—1727 гг., а также И.-Г. Гмелина и Г.-Ф. Миллера, руководителей академического отряда Второй Камчатской экспедиции, первого — автора труда «Reise durch Sibirien» и второго — автора «Истории Сибири» и ряда трудов по географии, этнографии и истории Сибири⁵⁹.

О Крашениникове обычно пишут только как об исследователе Камчатки. Между тем уже в Сибири Крашениников превратился из ученика в мастера. Он — руководитель двух

⁵³ J.-G. Gmelin. Reise durch Sibirien, Theil II, S. 539.

⁵⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 138—150.

⁵⁵ Позже Крашениников дал характеристику этой дороги в особой главе «Описания земли Камчатки»: «О разных дорогах, которыми из Якутска на Камчатку ездят» (стр. 517—531).

⁵⁶ Здесь и далее цитаты даны по настоящему изданию. Наледи — наросты льда в результате замерзания воды, излившейся на ледяной покров реки или на поверхность грунта. На суше образуются при замерзании выходящих на поверхность земли грунтовых вод.

⁵⁷ Не сохранился.

⁵⁸ ААН, р. 1, оп. 13, № 10, лл. 203—207 об.

⁵⁹ См., напр.: Н. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М., 1957, стр. 423.

самостоятельных научных экспедиций по изучению Бурятии и Восточной Сибири, автор ряда географических и этнографических трудов.

III

Крашенинников пробыл на Камчатке почти 4 года. Он восемь раз пересек полуостров. В конце 1742 г. он вернулся в Петербург из своего путешествия.

По подсчетам самого Крашенинникова, за время пребывания в Сибири и на Камчатке он проехал 25 773 версты. Надо указать, что из первого путешествия по Сибири вместе с Гmeliном и Миллером им были учтены не все поездки.

Делом всей последующей короткой жизни Крашенинникова становится обработка материалов, собранных на Камчатке, и подготовка своего главного труда — «Описание земли Камчатки».

«Описание земли Камчатки» принесло Крашенинникову мировую славу. Четыре раза оно было издано на русском языке и неоднократно издавалось на иностранных языках. В «Описании земли Камчатки» заключен громадный фактический материал, и вместе с тем в нем ярко отразилась идеология Крашенинникова — крупного ученого, патриота России, передового мыслителя, соратника Ломоносова⁶⁰.

Значительный интерес представляет и другая его поздняя работа — «Речь о пользе наук и художеств», печатающаяся в настоящем издании.

В этой работе Крашенинников дает теоретические обобщения, вытекавшие из его наблюдений над жизнью народов Сибири и Камчатки, и подымается до уровня передовых идей своего времени.

Анализируя содержание «Речи о пользе наук и художеств», необходимо помнить, что речь была произнесена в публичном академическом собрании 6 сентября 1750 г. в день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны. Отсюда неизбежные обращения к императрице, носящие официальный характер, особая торжественность и парадность речи. Крашенинников начинает с обращения к императрице и заканчивает им, отдавая дань времени. Суть речи, однако, не в этих обращениях. Центральная часть выступления содержит обзор наук и художеств, раскрывает их связь между собой, показывает их значение для практической жизни и утверждает истоки «наук и художеств» в той же практической жизни человечества.

«Все мастерства и художества по большей части от простых и самых бедных начал имеют происхождение. Так, например, строение кораблей, без сумнения, — от лодок; архитектура — от шалашей, и прочая; а потом разумными людьми час от часу приводилось в лучшее состояние, пока напоследок пришли в совершенство нынешнего времени». Так утверждает Крашенинниковым принцип развития человеческой культуры, исходным пунктом которой является первобытная культура.

Двигателем человеческой культуры в настоящее время является наука. Все отрасли науки связаны между собой как части единой философии. У Крашенинникова философия сливается с научным знанием, каких-либо границ, между философией и наукой, по Крашенинникову, не существует. Показательно в этом отношении само определение философии и разделение ее на отдельные части: «Философия определяется от некоторых познанием всего возможного, поколику оно збыться может и разделяется на две главные части — на теоретическую и практическую. Первая показывает во всех телах чувствительных бытность, качество, количество, движение и все происходящие из того явления, и называется физикою, основание же имеет на математике. Вторая руководствует к познанию сил разума нашего, пределов его, должности нашей... к монарху и ближнему,

---

⁶⁰ Об этой работе Крашенинникова см. мои статьи: Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» (вводная статья); Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I. М., 1956; Классик русской и мировой этнографии С. П. Крашенинников. «Советская этнография», 1962, № 2.

обязательство к самому себе, к дому своему, к сродникам и прочая, и называется философией нравоучительною, которая так, как и всему разумению,— предверие логики». В таком понимании и определении философии Крашенинников был на уровне научных идей своего времени. Близко к определению Крашенинникова определение философии, которое давал А. Кантемир в своем предисловии к переводу книги Фонтенеля: «Разговоры о множестве миров»⁶¹.

Крашенинников подробно показывает на отдельных примерах, как философия, т. е. наука, «полезна в государстве» и как все части ее связаны между собой, поскольку все науки — «части одной философии, подобной членам человеческого тела союз имеют и равное участие в действиях по взаимной близости или отдалению». Так, астрономия «служит к исправности географии»; оптика помогает «совершенству» астрономии; астрономия и оптика основываются на математике; медицине «нельзя миновать без механики, химии и натуральной истории», и т. д.

Крашенинников подчеркивает принцип развития науки, значение ее для человеческого прогресса. Но не всегда одна наука была двигателем прогресса. На заре человеческой цивилизации побудителями развития культуры, техники производства были материальные потребности человечества, его нужды. Они заставляли человека изобретать такие орудия, которые давали ему возможность существовать и идти вперед. «Не можно сомневаться, — пишет Крашенинников, — чтоб между потребностями жития человеческого ничего не нашлось, чтоб не от наук вымышлено было. Нужда делает остроумными»⁶². Известно, что самые дикие народы имеют по обстоятельству состояния своего потребное к содержанию. Кто бы подумал, что без железа обойтись можно. Однакож есть примеры, что камень и кость вместо того служат на топоры, копья, стрелы, панцыри и прочая. Камчадалы, не учась физике, знают, что можно огонь достать, когда дерево о дерево трется; и для того, будучи лишены железа, деревянные огнива употребляют. Искусство же показало им, что есть, варить можно и в берестяной, и в деревянной посуде».

Это объяснение Крашенинниковым развития материального производства из материальных нужд человечества является формулировкой, в которой можно усмотреть элементы материалистического понимания истории. Впервые в нашей литературе это отметил Н.П. Никольский⁶³. Следует добавить, что в русской литературе это, пожалуй, первая такая формулировка. В конце XVIII в. в России к такой же мысли пришел А. Н. Радищев. В работе «Опыт о законодательстве» мы читаем: «Человек, происходя на свет, есть равен во всем другому: немощен, наг, алчущ, жаждущ, — первое, откуда его стремление или естественная есть обязанность искати своего пропитания и сохранения; первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде»⁶⁴. Эти идеи о роли «нужды», т. е. потребностей материальной жизни людей в развитии человеческого общества, высказаны были в России Радищевым, а до него Крашенинниковым, независимо от французских материалистов XVIII в. Источником этих идей для Крашенинникова была его полевая работа в Сибири и на Камчатке.

В «Речи о пользе наук и художеств» Крашенинников выступает просветителем, защитником просвещения и культуры. По своим идеям эта речь перекликалась с неоднократными высказываниями Ломоносова о значении науки. Близка она и к более раннему документу — «Разговору двух приятелей о пользе наук и училищ» известного государственного деятеля и ученого В. Н. Татищева.

⁶¹ Б. Фонтенель. Разговоры о множестве миров. Перевод с французского с подробными примечаниями А. Кантемира. СПб., 1761, стр. А2, прим. 2.

⁶² Разрядка моя.

⁶³ Н.П. Никольский. С. П. Крашенинников как этнограф Камчатки. «Советский Север», № 2, 1939, стр. 68—69.

⁶⁴ А.Н. Радищев. Избранные философские и общественно-политические вопросы. М., 1952, стр. 553. (Разрядка моя).

Общей для Татищева, Ломоносова и Крашенинникова является и высокая оценка реформ Петра I, в частности его преобразований в области культуры и просвещения. «Не могла утаиться польза сия наук и художеств от прозорливости государя императора Петра Великого. Ведал он совершенно, что, кроме их, не может никакое государство быть славно, довольно и безопасно; и для того неусыпное имел старание о просвещении учением своего отечества; восприял намерение учредить в самом посвященном имени своему городе селение наукам и художествам, показав истинной знак монаршего своего о них благоволения, не отринув члена Парижской академии наук имени, и таким образом возбудил в подданных своих ревность к ним и охоту, которая с толь великим успехом поныне продолжается, что уже и простой народ за недостаток почитает не иметь в науках участия».

Здесь интересно место о «простом народе» и его стремлении к науке. Подобно Ломоносову, Крашенинников выступил сторонником широкого приобщения народа к «наукам и художествам».

Крашенинников в своей речи подчеркивает преемственность и непрерывность научного знания. С этой точки зрения он подходит и к своему времени, подчеркивая, что наука его времени продолжает научные начинания времени Петра I и вместе с тем пролагает пути для последующего развития науки.

При Петре сделано много, «но можно ли думать, что все ныне в таком состоянии, что не требуется к тому поправления? Есть еще во всем такой недостаток, что для награждения его не жизнь человеческая, но многие века потребны». «Сколько ж бы времена наши заслужили пороку, естли бы мы, наслаждаясь трудами предков наших, ничего вновь потомству не оставили? Из чего довольно рассудить можно, какая надобность и польза в способах к новым изобретениям».

Таково содержание «Речи о пользе наук и художеств», — этого замечательного документа в истории русской науки XVIII в., недостаточно оцененного до настоящего времени, как нам представляется, ни историками русской общественной мысли, ни историками русской философии.

«Речь о пользе наук и художеств» наряду с «Описанием земли Камчатки» — достойное завершение замечательного творческого пути, начатого солдатским сыном Степаном Крашенинниковым в Сибири в 30-х годах XVIII в.